

РАМАЗАНОВА Шелале Исметовна,

кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и литературы факультета гуманитарных наук и литературы Ардаханского университета; Кампус Енисей, Чамлычатак Мевки, Ардахан, 75002, Турция; тел.: +90 545 2156534; e-mail: shramazan18@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3252-6504

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА ДОМА В ГОРОДСКИХ ТЕКСТАХ ИОСИФА БРОДСКОГО И ОРХАНА ПАМУКА

Аннотация. Исследование проведено на *материале* эссе Иосифа Бродского «Путеводитель по переименованному городу», «Полторы комнаты» и романа Орхана Памука «Стамбул: город воспоминаний». *Целью* статьи является выявление общих способов создания образа дома в творчестве Иосифа Бродского и Орхана Памука как одного из ключевых образов в мировой литературе. *Объектом* изучения стали все словарные значения слова «дом»: династия, род; жилое здание; место, где живут люди, объединенные общими интересами, условиями существования; своё жильё; семья, люди, живущие вместе, их хозяйство; а также такие переносные значения, как социум, город, страна. *Предмет* исследования — феномен расширения семантики слова «дом» у обоих авторов. В *результате* проведённого анализа сделан *вывод* о том, что расширение образа дома в текстах Иосифа Бродского и Орхана Памука находит своё выражение в последовательном включении в этот образ более многочисленной группы людей, локализуемой в более широком пространстве, чем указано в словарях. Поскольку группы людей, живущих в одном городе либо в одной стране, вследствие метафорических переносов, могут именоваться семьями (различающимися по составу), то, соответственно, город и страна, в которых живут эти семьи, в результате метонимических переносов могут приобретать значения различающихся по размеру домов. *Практическое применение* результатов исследования возможно в процессе изучения русского и турецкого языков, литератур и культур, в том числе в компаративной психолингвистике и компаративном литературоведении.

Ключевые слова: Иосиф Бродский, Орхан Памук, образ дома, дом-жилище, дом-семья, дом-город, дом-страна.

«Любой человек, задумывающийся о смысле жизни, хотя бы раз задаётся вопросом о значении места и времени своего рождения. Почему я родился именно сейчас и именно в этом уголке мира? Справедливо ли, что мне, как лотерейный билет, выпали именно эти семья, страна, город, которые я должен был полюбить и в самом деле искренне полюбил?»
Орхан Памук

Постановка проблемы. Читая такие произведения Иосифа Бродского и Орхана Памука, как «Путеводитель по переименованному городу», «Полторы комнаты», «Стамбул: город воспоминаний», особое внимание обращаешь на способы описания авторами дома — жилища, семьи, родителей — на мысли и эмоции, вызываемые воспоминаниями о своём детстве. Авторы не ограничиваются описанием реального мира. Они конструируют своё собственное внутреннее пространство, создают поэтический образ дома. Как справедливо подчёркивают исследователи, «поэтизировать объективную реальность — значит наделять ее большим пространством, чем объективно ей присуще. Человек всегда оказывается связан с каким-то местом, которое становится предметом мифологизации и художественного воплощения, но дом в этом ряду совершенно особенный» [4].

Можно сказать, что авторов занимает прошлое, в основном, каждого — своё, хотя методику исследования этого прошлого скорее можно представить в виде конуса, на вершине которого находится каждый из авторов — со своими ощущениями и переживаниями, затем по направлению к основанию занимают свою позицию семья, дом, город, страна.

Цель и методы исследования. Целью настоящей статьи является выявление общих способов создания образа дома в творчестве Иосифа Бродского и Орхана Памука как одного из ключевых образов в мировой литературе. При этом слово «дом» включает в себя все словарные значения: династия, род; жилое здание; место, где живут люди, объединённые общими интересами, условиями существования; своё жильё; семья, люди, живущие вместе, их хозяйство; а также такие переносные значения, как социум, город, страна. В исследовании использованы сравнительно-типологический, описательный, интерпретационный, контекстуальный методы исследования.

Изложение основного материала. Рассматриваемые тексты последовательно знакомят читателей с семьями авторов, с их жилищем, с домашним бытом; передают подробный перечень предметов домашнего обихода, указывающих, с одной стороны, на вкусы и образ жизни их хозяев, а с другой стороны — зачастую являющихся приметой времени и жизненного уклада урбанистического социума.

Иосиф Бродский начинает описание жилища своей семьи, состоящего из полутора комнат, где они жили втроем с отцом и матерью, с воспоминаний о том, что мать, в соответствии со старинной русской приметой, запрещала ходить по полу в носках, что якобы могло привести к смерти в доме [1]. Таким образом, уже с первых фраз в эссе возникает образ смерти, глубоко волнующий писателя на протяжении всего повествования. И если значение «семья» можно рассматривать как метонимию

по отношению к значению «дом», то, соответственно, «смерть» можно трактовать как метонимию к «домовине» — последнему пристанищу человека. В отличие от Бродского, семейство Памуков было куда более многочисленным и, соответственно, жилище их также было намного больше. «Наше семейство — мама, папа, брат, бабушка, сёстры отца и его братья со своими жёнами — обитало в пятиэтажном доме, занимая все его этажи» [3], — рассказывает писатель.

Интересно, что оба писателя, несмотря на ощутимую пространственную и культурную дистанцию, одинаково подробно описывают историю заселения своей семьи. Бродский рассказывает о том, что для получения этого жилища его родителям, жившим до женитьбы в разных частях города, пришлось пожертвовать отдельными комнатами. Родственники Памука ещё за год до его рождения жили, «подобно большой семье османских времён, в разных комнатах на разных этажах большого каменного здания, находившегося неподалёку». После того, как это здание было отдано в аренду частной начальной школе, их семейство переселилось в построенный на соседнем участке «современный» жилой дом. «К входной двери, как было принято в те времена, была прикреплена табличка, гордо извещавшая: «Дом семейства Памук»» [3].

Повествуют оба писателя и об истории своих домов: «Здание представляло собой один из громадных брикетов в так называемом мавританском стиле, характерном для Северной Европы начала века. Законченное в 1903 году, в год рождения моего отца, оно стало архитектурной сенсацией Санкт-Петербурга того времени, и Ахматова однажды рассказала мне, как она с родителями ездила в пролётке смотреть на это чудо» [2]. Не без гордости Бродский упоминает о том, что в этом доме некогда снимал квартиру Александр Блок, а непосредственно их анфиладу занимала чета Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гippiус.

Описывая местоположение своего дома в престижном районе Нишанташи, Памук поясняет, что эта «местность получила своё название благодаря камням, установленным на этих холмах в конце XVIII — начале XIX века, во время правления Селима III и Махмуда II — султанов-реформаторов, сторонников европеизации» [4]. Характеризуя внешний облик дома через прошлое, связанное с людьми, их построившими, в них проживавшими, авторы высвечивают особое отношение к своему жилищу.

Оба писателя дают подробное описание мебели, содержимого двух огромных «собороподобных» буфетов в квартире Бродских и «всегда запертых буфетов» в доме Памуков. Если Бродский сравнивает содержимое буфетов с коллективным подсознательным: «По крайней мере все те вещи были частью сознания родителей, знаками их памяти — о временах и местах, как правило, мне предшествующих, об их совместном и отдельном прошлом, о юности и детстве, о другой эпохе, едва ли не о другом столетии» [1], — то Памук причину превращения жилых комнат в подобие музея объясняет стремлением обитателей дома «жить как на Западе» [3]. Как видим, для обоих писателей дом — это пространство, родное и понятное им с детства, пространство, неразрывно связанное с семьёй, с психологической атмосферой людей, живущих в доме.

Описывая свою обычную советскую семью того времени, Бродский считает, что им повезло, так как удалось выжить, несмотря на большой террор и войну: «если учесть к тому же, что мы — евреи», — добавляет он [1]. Памуку, порой чувствовавшему себя несчастным «из-за того, что родился среди развалин и праха рухнувшей империи, в блекнущем и ветшающем от уныния, тоски и бедности Стамбуле» [3], внутренний голос, впрочем, тоже говорит, что на самом-то деле ему повезло, хотя бы потому, что он родился в обеспеченной семье.

Особое внимание уделяют авторы характеристике родителей, описывая их внешность, черты характера, род занятий, их жизненные ценности и приоритеты.

Отец Бродского был фотокорреспондентом. Война началась для него в 1940 году в Финляндии, а закончилась в 1948-м в Китае. В промежутке он эскортировал конвой в Баренцевом море, отставив и сдал Севастополь на Чёрном море, примкнул — когда его корабль пошёл ко дну — к морской пехоте. Был отправлен на Ленинградский фронт и участвовал в прорыве блокады. Затем он снова был послан на Чёрное море, высадившись на Малой земле, защищал её; по мере продвижения фронта на запад оказался в Румынии и какое-то время был даже военным комендантом Констанцы. «Мне кажется, что большую часть жизни он провёл на ногах — ...среди судов, моряков, капитанов, кранов, грузов. На заднем плане всегда присутствовали зыблущийся цинк водной простыни, маты, чёрный металлический силуэт кормы» [1], — вспоминает Бродский.

Отец Орхана Памука — инженер по специальности — после смерти своего отца, оставившего ему с братом большое наследство, занимался финансированием различных, в основном неудачных, предприятий. Любимым занятием его была литература. Он читал романы, чтобы убежать на запад от той жизни, которой жил у себя на родине, а своей 25-летней писательской деятельности придавал несерьёзно-шутливый оттенок. На всю жизнь в памяти Орхана Памука остались слова отца о том, что «самое лучшее — это жить так, как тебе подсказывает твоё собственное сердце, что деньги сами по себе — не источник счастья, а лишь один из способов его достижения» [3]; его рассказы о том, как когда-то, уехав от них в Париж, писал стихи и переводил на турецкий Валери, сидя в номере отеля, как в 1950-е годы ему часто случалось видеть на парижских улицах Жана Поля Сартра, как был построен Дом семейства Памук, как обанкротилось его первое предприятие.

Вот как изображает Иосиф Бродский портрет матери: «По русским меркам она не казалась маленькой — рост метр шестьдесят; белолица, полновата. У неё были светлые волосы цвета речной воды, которые всю жизнь она коротко стригла, и серые глаза. Ей особенно нравилось, что я унаследовал её прямой, почти римский нос, а не загнутый величественный отцовский клюв...». Она служила переводчицей в лагере для военнопленных, ещё с детства, проведённого в Латвии, владея немецким языком. В своё время отказалась от военной карьеры, сказав начальству, что не хочет приветствовать мужа первой (поскольку он был выше по званию) и «превращать гардероб в арсенал». «Прибереги свои слёзы на более серьёзный случай», — говорила мать сыну, когда он был маленький. «И боюсь, что я преуспел в этом больше, чем она того мне желала» [1], — заключает Бродский.

А вот детские воспоминания Памука: «Мама разговаривала по телефону, сидя на стуле и закинув ногу на ногу, а я смотрел на очень занимавшие меня разнообразные складки её кремово-красного халата, разрисованного гвоздиками, сквозь пуговицы которого проглядывали красивая ночная рубашка и красивая мамина шея, и мне хотелось залезть к ней на колени, прижаться к её волосам, шее, груди» [3].

Сравнивая отношение своих родителей к жизни, Памук вспоминает, что отец предпочитал обходить молчанием всё отрицательное, а мама, наоборот, всё время говорила об опасностях и многое запрещала детям. «Она всегда была готова, нахмутив брови, защищать нас от всяких напастей, поэтому с ней было не так весело, как с отцом» [3]. Однако мама уделяла детям гораздо больше времени, и поэтому, будучи ребёнком, он очень нуждался в её любви и нежности. «То, что за эту любовь мне нужно соперничать с братом, я осознал как один из основных законов жизни уже в самом раннем детстве», — пишет Памук.

Навсегда остались в памяти писателей их детские прогулки и беседы с родителями: «Пока мы проходили через центр города, он рассказывал мне историю того или иного фасада: что находилось здесь до войны или до 1917 года, кто был архитектором, кто владельцем, кто жильцом, что с ними произошло и, на его взгляд, почему» [1], — пишет Бродский. «Во время наших с ним (отцом)* долгих весёлых прогулок я чувствовал (особенно в раннем детстве), что мир — это замечательное место, созданное для того, чтобы человек был счастлив» [3], — вспоминает Памук.

Литературные занятия сына озадачивали и огорчали родителей Бродского. «Думали, что я заблуждаюсь, моя судьба внушала им тревогу, но поддерживали меня насколько могли потому, что я был их ребёнком» [1]. Родители Памука также не приветствовали его решение уйти из университета и заняться живописью или литературой. «Живопись, искусство, творчество — только европейцы имеют право принимать подобные вещи всерьёз, словно бы хотела сказать мама, а вовсе не мы, обитатели Стамбула второй половины XX века, представители цивилизации, потерявшей былые величие и мощь, впавшей в бедность и безволие» [3], — вспоминает Памук наставления матери.

Для обеих семей — в Санкт-Петербурге ли в 1960-е — 1970-е, в Стамбуле ли в 1980-е — 1990-е годы — самой важной частью города был их дом. Образ дома включает в себя не только здание, этажи, комнаты, мебель и предметы обихода, но и людей, населяющих это здание: родителей, родственников, соседей.

Бродский вспоминает о своём стремлении в юности («вылететь из гнезда» — отделиться от половины родителей хотя бы книжными полками и чемоданами, чтобы обрести некую степень уединения. Спустя годы, вынужденный находиться далеко от своего дома, он вдруг поймёт, «что если некогда и существовало что-либо настоящее в его жизни, то это именно гнездо, тесное и душное, откуда ему так нестерпимо хотелось бежать. Ибо гнездо строилось другими, теми, кто дал ему жизнь, а не им самим, знающим слишком хорошо истинную цену собственному труду» [1].

Что касается Памука, то ему посчастливилось и пятьдесят лет спустя по-прежнему жить в своём старом доме, там, где мама, взяв его на руки, впервые показала ему мир. «Мне кажется, — пишет он, — что и своеобразие моего рассказа о себе — и, стало быть, о Стамбуле — проистекает из того, что в эпоху миграций и писателей-переселенцев я умудрился прожить пятьдесят лет на одном месте, более того, в одном и том же доме. «Вышел бы ты на улицу, сходил бы куда-нибудь или съездил», — печально говорила мне, помнится, мама» [3].

У Памука был выбор. У Бродского — не было. «Что до выбора, не могу представить более ошеломительного, чем мой, — говорит Бродский. — Всё равно что разница между полушариями, ночью и днём, урбанистическим и сельским пейзажем, между мёртвыми и живыми. Единственная точка пересечения — моё тело и пишущая машинка. Другой марки и с другим шрифтом» [1]. — Невероятно ёмкая градационная антитеза, характеризующая жизнь писателя. И даже спустя годы, живя на другом континенте, он старается хранить привычки своей семьи и с ностальгией вспоминает о тех отгороженных десяти метрах. Поскольку от его семьи остался только он один, ему хочется верить, что хотя бы один из тех десяти метров тоже может вспоминать о нём с нежностью. «Тем более теперь, под чужими ногами» [1], — добавляет писатель. И во всех этих словах сквозит невероятная боль утраты Дома.

Ценности, проповедуемые родителями в обеих семьях, просты и вечны: «Главное — это хлеб на столе, опрятная одежда и хорошее здоровье. То были их синонимы любви, — пишет Бродский о сво-

их родителях, — и они были лучше моих, хотя их было и не так много» [1]. «...Будьте нормальными, будьте обычными, будьте как все, не привлекайте к себе внимания», — вспоминает Памук наставления матери и понимает, что «такой взгляд на жизнь многим обязан традиционной морали, пропитанной суфийским стремлением быть скромным и довольствоваться малым» [3]. Однако ему, так же как и далёкому от него в пространстве и на 12 лет опередившему во времени Иосифу Бродскому было понятно, «что ответов на главные вопросы жизни нам не найти, но это не так уж и важно — всё равно их нужно задавать; что мы никогда не сможем выяснить, в чём заключается смысл жизни и где спрятано счастье, — может быть, потому, что и не хотим этого знать; и ещё — что пейзажи, наблюдаемые нами из окна дома, машины, с борта корабля, имеют не меньшую важность, чем все эти мучительные вопросы, — потому что волнения жизни, подобно переливам мелодии и перипетиям захватывающей истории, рано или поздно подойдут к концу, а проплывающие перед нашими глазами образы города навсегда останутся с нами в наших мечтах и воспоминаниях» [3].

По всем воспоминаниям Иосифа Бродского о его Доме красной нитью проходит образ смерти как чего-то непоправимого и гложущее чувство вины перед родителями. Создаётся впечатление, что, несмотря на все тяготы и невзгоды питерской жизни, «полторы комнаты» были и навсегда остались для него единственным настоящим Домом — «гнездом», построенным для него родителями. Лейт-мотивом воспоминаний Орхана Памука о его Доме является «чувство подавленности, потерянности и тоски, опустившееся на Стамбул с падением Османской империи», которое, пусть и другими путями и с некоторым опозданием, добралось и до семейства Памуков; стремление «побороть эту тоску или же, как все стамбульцы, наконец, сжиться с ней» [3].

Особенностью рассматриваемых нами текстов является то, что в них образ дома, сотканный из авторских воспоминаний, наблюдений, эмоций искусно переплетается не только с биографиями писателей, но и с историей их городов и стран. По мере взросления ребёнка и освоения окружающего пространства образ дома расширяется и наполняется такими составляющими, как город и страна. Город для каждого из авторов — это, с одной стороны, среда их обитания, а с другой, — определённый культурный текст. Города они изображают каждый свой, и, несмотря на то, что многое в их манере кажется схожим, ещё большее делает их непохожими друг на друга и уникальными, так же, как не похожи и уникальны объекты их описания.

Специфичность хронотопа каждого из авторов заключается в акцентировании городов, в которых они родились и проходили различные этапы своего взросления, начиная с описания истории их домов, затем городских улиц, площадей, архитектурных памятников и кончая исследованием их воздействия на умы и чувства других, живущих до них, писателей.

С одной стороны, Питер — это место жизни Иосифа Бродского и его семьи, а Стамбул, соответственно, — семьи Орхана Памука, с другой стороны, каждый из городов выступает в роли негласных персонажей, порождающих определённые мысли и чувства как реально проходящих по их улицам персонажей, так и идущих по их стопам читателей.

Описание Санкт-Петербурга Бродский начинает сравнением двух памятников: Петру Первому и Ленину — историческим личностям, имена которых официально носил этот город, однако сами жители во все времена называли его просто Питер. «Поскольку подлинное русское имя императора — Пётр, «Питер» звучит слегка по-иностранному, что и соответствует чему-то определённо иностранному, отчуждённому в городской атмосфере: зданиям европейского вида, возможно, и самому месторасположению: в дельте северной реки, текущей в открытое враждебное море» [2]. Переименование Санкт-Петербурга в Петроград, а затем в Ленинград Бродский воспринимает как отражение перехода из одной исторической эпохи в другую.

Стамбул также представлен Орханом Памуком как город, переживающий эпохальные изменения, как столицу канувшей в небытие империи с погибающей культурой: «Древний центр Стамбула, находящийся на полуострове, ограниченном Мраморным морем, Босфором и заливом Золотой Рог, начиная с середины XIX века стал во многом терять свой исторический облик; по мере того как империя рушилась, проигрывала одну за другой войны и разорялась, европеизирующиеся османские чиновники возводили в беднеющем и испытывающем демографический взрыв городе большие уродливые здания» [3].

Оба писателя дают точное описание мест своего проживания, близлежащих улиц, площадей и архитектурных памятников. В их текстах присутствует целый ряд узнаваемых топонимов и исторических имён: церковь св. Пантелеймона, собор Преображенского полка, Летний сад, Пестель, Пушкин; район Нишанташи, дворцы Топкапы, Долмабахче и Йылдыз, султаны-реформаторы Селим III и Махмуд II.

Особое место в описании города у обоих авторов занимает вода: Нева в Санкт-Петербурге и Босфор в Стамбуле. На фоне эпохальных изменений водная зыбь символизирует то свободу, то угрозу свободе, а то и просто вызывает восхищение: «Понятие свободы, открытого простора, желания бросить всё-к-чёртовой-матери — все эти вещи глубоко задавлены и, следовательно, всплывают в вывернутой наизнанку форме водобоязни, боязни утонуть. Уже в одном этом городе на Неве есть вызов национальной психике, и заслуживает клички «иностранец своего отечества», данной ему Гоголем» [2].

«Босфор противостоит ощущению поражения, краха, подавленности, печали и бедности, потихоньку разлагающему город. В моём сознании он неразрывно связан с волей к жизни, полнотой чувств и радостью. Босфор — душа Стамбула, в нём город черпает силы. Между тем раньше горожане не очень ценили Босфор — для них он был просто живописным проливом, служащим для прохода судов, а в последние двести лет его побережье стало ещё и местом для строительства летних дворцов и особняков» [3].

Важным компонентом образов домов-городов, созданных авторами, являются также впечатления других писателей, поэтов, художников, историков. Мастера художественного слова оказали огромное влияние на восприятие Питера Иосифом Бродским и Стамбула — Орханом Памуком. Именно благодаря этому влиянию, своего рода преемственности, им удаётся захватить современного читателя и повести по заповедным уголкам своего города — вместилищу разнообразных мыслей, чувств и реальных событий прошлого, заставить воспринимать их не просто как реалии окружающего мира, но и как хорошо знакомые литературные образы. Как отмечает Бродский, «изображение внешнего и духовного интерьера города, его влияния на людей и их внутренний мир стало основной темой русской литературы почти со дня основания Петербурга. Фактически русская литература здесь и родилась, на берегах Невы. Если, по поговорке, все русские писатели «вышли из Гоголевской “Шинели”, то не мешает напомнить, что эта шинель была содрана с бедных чиновничьих плеч нигде иначе, как в Петербурге, в начале 19 столетия». Описание этого, по словам Ф. Достоевского, «самого умышленного города в мире» было положено начало Александром Сергеевичем Пушкиным в его замечательной поэме «Медный всадник», о которой Бродский выразился следующим образом: «Это была бы нехитрая история о восстании маленького человека против неограниченной власти и о магии преследования, если бы не великолепные стихи, лучшие из написанных во славу этого города, за исключением стихов Мандельштама, который уже буквально был втоптан в землю Империи через сто лет после того, как Пушкин был убит на дуэли» [2].

Как подчёркивает Орхан Памук, свою книгу «Стамбул: город воспоминаний» он писал, «пребывая во внутреннем диалоге (порой переходящем в спор) с четырьмя печальными стамбульскими писателями, творившими этот образ — плод их напряжённых раздумий, случайных встреч, прочитанных книг и долгих прогулок по городу»: великого поэта Яхьи Кемаля, историка-популяризатора Решата Экрема Кочу, романиста Танпынара, мемуариста Абдульхака Шинаси Хисара. «Я представлял себе, — пишет Орхан Памук, — как герои моих раздумий порой в одно и то же время проходят мимо одних и тех же домов, бредут под одним и тем же дождём по одним и тем же крутым улочкам, и пути их иногда пересекаются» [3].

Точно так же, как эти четверо написали стихи, романы, рассказы, статьи, воспоминания и энциклопедии, подготовившие Орхана Памука к пониманию духа Стамбула, Пушкин, Гоголь, Достоевский и Мандельштам отразили в своих произведениях Петербург, формируя вместе с образом города и русскую литературу. «Нет другого места в России, по словам Бродского, где бы воображение отрывалось с такой лёгкостью от действительности: русская литература возникла с появлением Петербурга» [2].

Созданные предыдущими писателями образы Петербурга и Стамбула стали частью этих городов, повлияли на них, на их восприятие современниками. Со временем эти города начали впадать в зависимость от своего объёмного отражения в литературе. «К середине 19 столетия отражаемый и отражение сливаются воедино: русская литература сравнивалась с действительностью до такой степени, что когда теперь думаешь о Санкт-Петербурге, невозможно отличить выдуманное от доподлинно существовавшего», — пишет Бродский. «Современный гид покажет вам здание Третьего отделения, где судили Достоевского, но также и дом, где персонаж из Достоевского — Раскольников — зарубил старуху-процентщицу» [2].

Орхану Памуку наиболее импонирует особый взгляд турецких писателей на прошлое, превращающий рассказ о нём в поэзию. «Стамбул, город, несущий на себе отпечаток огромных потерь, был их городом; они поняли, что, только обратившись в своём творчестве к печали его развалин, смогут обрести свой собственный, подлинный голос» [3]. По его мнению, «неповторимым и уникальным город делает не его топография, не здания и не людские представления о нём, возникающие по большей части случайно, а совокупность случайных встреч его обитателей, живущих, как я, пятьдесят лет на одних и тех же улицах, их воспоминаний, слов, цветов и образов, накопленных их памятью» [3].

Что касается Петербурга, то Бродский основной причиной столь неожиданного творческого взрыва считает его географию. «В контексте тогдашней русской жизни возникновение Санкт-Петербурга было равносильно открытию Нового Света: мыслящие люди того времени получили возможность взглянуть на самих себя и на народ как бы со стороны. Иными словами, этот город позволил им объективировать страну» [2]. На важность возможности взгляда со стороны указывает и Орхан Памук: «Каждый раз, когда я читал у писателей предыдущих поколений описания Стамбула и его головокружительной красоты, я, конечно, увлекался завораживающим языком повествования, но в то же время вспоминал о том, что эти писатели *уже* не жили в том большом городе, о котором рассказывают, и о том, что они предпочитали удобства *уже* европеизированного Стамбула. У них я научился пониманию того, какова цена способности с неумеренным лирическим восторгом петь

хвалу Стамбулу — обладать ею может только тот, кто *уже* не живёт в городе, который описывает; для того, чтобы видеть красоту вещи, нужно смотреть на неё со стороны» [3].

Значительное сходство в судьбах рассматриваемых городов прослеживается в их особой культурной роли — нахождении на стыке цивилизаций — западном и восточном видении мира. Пётр I провидел город и, в целом, Россию с лицом, обращённым к миру. «В контексте того времени это означало — к Западу; городу суждено было стать... окном в Европу». В отличие от своих предшественников и последователей на русском троне, Пётр I «не страдал традиционно-русским недугом — комплексом неполноценности перед Европой. Он не хотел подражать Европе, он хотел, чтобы Россия стала Европой, точно так же, как он сам был, хотя бы отчасти, европейцем» [2].

Стремление к европеизации Турции после распада Османской империи привело к тому, что в Стамбуле, «застывшем между традиционной и западной культурами, чьё население состоит из ничтожного сверхбогатого меньшинства и миллионов, живущих в бедных окраинных районах, в городе, постоянно открытом для переселенцев и разделённом на общины и землячества, за последние сто пятьдесят лет никто не чувствовал себя вполне дома» [3]. Пытаясь сформулировать «тайну» Стамбула, Памук приходит к следующему выводу: «что бы ни сказали мы о городе, о его характере, духе и атмосфере — всё это в большей степени будет относиться к нам самим, к нашей жизни и нашему душевному состоянию. У города нет иного центра, кроме нас самих». Эти слова, по всей видимости, можно отнести и к Санкт-Петербургу — так глубоко и точно отражают они состояние этих двух замечательных городов мира в момент написания исследуемых нами текстов.

Выводы. Анализ городских текстов, написанных о родных городах — Иосифом Бродским о Санкт-Петербурге, а Орханом Памуком о Стамбуле, свидетельствует об использовании этими писателями следующих общих приёмов создания образа дома:

1. Описание дома как жилища — здания с его историей, состоящего из этажей, квартир, комнат с мебелью, с предметами быта.

2. Описание дома как семьи — людей, объединённых родственными связями между старшими и младшими членами семьи.

3. Описание дома как «гнезда» — пространства, наделённого культурными, нравственными смыслами, формирующими человека и сопровождающими на протяжении всей его жизни.

4. Описание дома как более многочисленной группы людей, объединённых единым пространством — дома-города. При этом образы городов создаются, с одной стороны, из исторических реалий, известных топонимов, с другой, — из субъективных авторских оценок, зачастую складывающихся под влиянием уже устоявшихся художественных образов Санкт-Петербурга и Стамбула.

5. Описание дома как многочисленной группы людей, объединённых единым менталитетом, как дома-социума, дома-страны, где общие традиции, ценности и стереотипы поведения выступают в качестве связующих родственных уз.

6. У обоих авторов происходит расширение семантики образа дома, которое находит своё выражение в последовательном включении более многочисленной группы людей, локализуемой в более широком пространстве. Поскольку группы людей, живущих в одном городе либо в одной стране, вследствие метафорических переносов могут именоваться семьями (различающимися по составу), то, соответственно, город и страна, в которых живут эти семьи, в результате метонимических переносов могут приобретать значения различающихся по размеру домов.

Несмотря на различную историю, время и место возникновения Санкт-Петербурга и Стамбула, домов писателей, на принадлежность их к разным культурам и религиям, на уникальность авторов и их мировоззренческих концепций, наличие общих компонентов в созданных ими образах дома объясняется, как нам представляется, не только сходными приёмами конструирования поэтического образа, но и адекватностью описываемых исторических периодов в жизни России и Турции: развалом империй, отказом от культурных достижений прошлого и построением новых государств на новой идеологической основе.

Л и т е р а т у р а

1. Бродский И. Полторы комнаты. Пер. с англ. Д. Чекалов. *Новый мир*. 1995. № 2. URL : https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1995/2/

2. Бродский И. Путеводитель по переименованному городу. Москва : Изд-во «Независимая газета», 1999. URL : royallib.com/book/brodskiy/

3. Памук О. Стамбул : Город воспоминаний / Пер. с тур. М. Шарова, Т. Меликова. Москва : Изд-во Ольги Морозовой, 2006. 504 с. URL : zoumb.zp.ua/node/4615/

4. Быковская Т. В. Поэтика дома : Образы внутреннего пространства человека. *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 4. С. 402–406. URL : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9819/>

References

1. Brodsky, I. (1985), *One and a half rooms*, transl. from English by D. Chekalov [*Poltory komnaty*], available at : https://royallib.com/book/brodskiy_iosif/poltori_komnati.html/
2. Brodsky, I. (1999), *Guide to the renamed city* [*Putevoditel' po pereimenovannomu gorodu*], Nezavisimaya Gazeta Publishing House, Moscow, available at : royallib.com/book/brodskiy/
3. Pamuk, O. (2006), *Istanbul : City of memories*, transl. from Turkish by M. Sharov, T. Melikov [*Stambul : Gorod vospominaniy*], Publishing House of Olga Morozova, Moscow, 504 p. Available at : zounb.zp.ua/node/4615/
4. Bykovskaya, T. V. (2013), "Poetics of the house : Images of the inner space of a person", *Modern problems of science and education. Surgery* ["Poetika doma : Obrazy vnutrennego prostranstva cheloveka"], *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, No 4, pp. 402–406. Available at : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=9819/>

РАМАЗАНОВА Шелале Ісметівна,

кандидат філологічних наук, викладач кафедри російської мови та літератури факультету гуманітарних наук і літератури Ардаханського університету; Кампус Єнісей, Чамлічатак Мевкі, Ардахан, 75002, Туреччина; тел.: +90 545 2156534; e-mail: shramazan18@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3252-6504

ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ ОБРАЗУ ДОМУ В МІСЬКИХ ТЕКСТАХ ЙОСИПА БРОДСЬКОГО Й ОРХАНА ПАМУКА

Анотація. Дослідження проведено на *матеріалі* есе Йосипа Бродського «Путівник перейменованим містом», «Півтори кімнати» та роману Орхана Памука «Стамбул: місто спогадів». *Метою* статті є виявлення спільних способів творення образу дому у творчості Йосипа Бродського й Орхана Памука як одного з ключових образів у світовій літературі. *Об'єктом* вивчення стали всі словникові значення слова «дім»: династія, рід; житлова будівля; місце, де мешкають люди, об'єднані загальними інтересами, умовами існування; своє житло; родина, сім'я, люди, які живуть разом, їхнє господарство; і навіть такі переносні значення, як соціум, місто, країна. *Предмет* дослідження — феномен розширення семантики слова «дім» у обох авторів. У *результаті* проведеного аналізу зроблено *висновок* про те, що розширення образу дому в текстах Йосипа Бродського та Орхана Памука знаходить своє вираження у послідовному включенні в цей образ більш численної групи людей, що локалізується в ширшому просторі, ніж зазначено у словниках. Оскільки групи людей, що живуть в одному місті або в одній країні, внаслідок метафоричних переносів, можуть іменуватися родинами, сім'ями (що розрізняються за складом), то, відповідно, місто і країна, де живуть ці родини, внаслідок метонімічних переносів можуть набувати значень, що відрізняються за розміром «дому». *Практичне застосування* результатів дослідження можливе у процесі вивчення російської та турецької мов, літератур і культур, у тому числі в компаративній психолінгвістиці та компаративному літературознавстві.

Ключові слова: Йосип Бродський, Орхан Памук, образ дому, дім-житло, дім-родина, дім-місто, дім-країна.

Shelale İ. RAMAZANOVA,

Ph.D. in Philology, Associate Professor, Ardahan University, Faculty of Humanities and Letters, Department of Russian Language and Literature; Ardahan University, Yenisey Campus, Çamlıçatak Mevki, Ardahan, 75002, Turkey; tel.: +90 545 215 6534; e-mail: shramazan18@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-3252-6504

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMAGE OF A HOUSE IN URBAN TEXTS BY JOSEPH BRODSKY AND ORKHAN PAMUK

Summary. The research was carried out on the *material* of the essay by Joseph Brodsky "A guide to the renamed city", "One and a half rooms", and the novel by Orhan Pamuk "Istanbul: the city of memories". The *purpose* of the article is to identify common ways of creating an image of a house in the works of Joseph Brodsky and Orhan Pamuk as one of the key images in the literatures of the world. In this case, the word "house" includes all dictionary meanings: dynasty, clan; residential building; a place where people live, united by common interests, conditions of existence; your home; family, people living together, their household; as well as such figurative meanings as society, city, country. *Conclusions:* both authors traced the expansion of the semantics of the image of the house, which finds its expression in the sequential inclusion of a larger group of people localized in a wider space. Since groups of people, living in one city or in one country, due to metaphorical transfers, can be called families (differing in composition)/, then, respectively, the city and country in which these families live, as a result of metonymic transfers, can acquire the meanings of houses differing in size.

Key words: Joseph Brodsky, Orkhan Pamuk, image of a house, house-dwelling, house-family, house-city, house-country.

Статтю отримано 9.02.2022 р.